
ПУТИ РАЗВИТИЯ РОССИИ

Трансформация системы власти-собственности в России: региональный аспект. Реформы и качество государства

Н.М. ПЛИСКЕВИЧ*

*Плискевич Наталья Михайловна – старший научный сотрудник, Институт экономики РАН. Адрес: 119049, Москва, Мароновский пер., д. 26. E-mail: ons@naukaran.ru

Цитирование: Pliskevich N. (2015) The Transformation of ‘Power-Ownership’ Relations in Russia: a Regional Perspective on the Reforms and the Quality of the State. *Mir Rossii*, vol. 24, no 1, pp. 8–34 (in Russian)

Ход процессов модернизации в России во многом зависит от взаимодействия Центра и регионов. Характер этого взаимодействия обусловлен прежде всего качеством той государственной конструкции, которая выстроена в современной России и представляет собой новую институционализацию системы власти-собственности. В статье показано, что выстроенная в рамках этой системы вертикаль власти на деле оказалась сложной конструкцией, состоящей из трех независимых друг от друга пирамид с включенными в них региональными и местными пирамидками. Эти три пирамиды – административная, экономическая и силовая – соприкасаются между собой только в точке своих вершин. Такая конструкция очень сложна в управлении. В то же время ее неоднозначность не соответствует ни сложности современного российского общества, ни важности стоящих перед ним задач модернизации. Для успеха модернизации необходимо, чтобы реформы проводило сильное государство, а наша конструкция представляет собой массивную, рыхлую систему, не соответствующую критериям мощной державы.

Ключевые слова: модернизация, власть-собственность, концепция Норта-Уоллиса-Вайнгаста, государство, слабое государство, вертикаль власти, административная вертикаль, экономическая вертикаль, силовая вертикаль

«Нельзя строить государство,
одновременно разрушая общество»
*Юрий Олеша*¹
«...мы многое знаем о государствах,
но не знаем, как их чинить»
*Дуглас Норт*²

Очевидно, что в такой огромной стране, как Россия, с ее необычайным разнообразием условий жизни и социально-экономической ситуации в отдельных регионах, и процессы модернизации, не только технологической, но и институциональной, и социокультурной, не могут не быть разнообразными, разнесенными по времени. В целом же в сложный переход от «естественного» государства с «порядками ограниченного доступа» к государству «зрелому» с «порядками открытого доступа» (по Д. Норту и его коллегам [*Nort, Wallis, Weingast 2009; Норт, Уоллис, Вайнгаст 2011; Норт, Уоллис, Уэбб, Вайнгаст 2012*]) либо, в другой терминологии, – в мутацию системы власти-собственности вплетается еще одна важная проблема. Насколько согласованно идут эти процессы на всем пространстве огромной страны, какие противоречия возникают между регионами, не только находящимися на разных стадиях этого процесса, но и, возможно, по-разному воспринимающими его и даже противоречиво относящимися к самой необходимости трансформации. Наконец, не проясненным остается и вопрос об отношениях Центра и регионов. Здесь возможны самые разные варианты:

- Центр является инициатором преобразований, которые блокируются регионами, не дозревшими до осознания их необходимости;
- Центр блокирует порывы к модернизации передовых регионов;
- Центр, разрешая технологическую модернизацию, стремится заблокировать модернизацию институциональную, видя в ней угрозу вертикали власти как основе системы власти-собственности;
- Центр действует согласованно со стремящимися к модернизации регионами, помогая им в этом своими ресурсами.

То есть проблемы региональной политики, развития отдельных территорий огромной страны не могут быть решены в отрыве от более общей проблемы – специфики государства как организма, в котором укоренены отношения власти-собственности. Эти отношения, с одной стороны, ставят свои жесткие рамки на пути модернизационных преобразований. Но, с другой стороны, в отдельных конкретных условиях могут дать импульс, в том числе ресурсный, для осуществления тех или иных технологических прорывов, которые, в свою очередь, в перспективе могут потянуть за собой сложную цепочку институциональных и социокультурных изменений. Поэтому для решения региональных проблем важно выяснить, как функционирует система власти-собственности в такой огромной стране, как Российская Федерация.

¹ Олеша Ю. (1999) Книга прощания. М.: Вагриус.

² Норт Д. (2010) Понимание процесса экономических изменений. М.: ГУ ВШЭ.

Государство как мотор модернизации

Немаловажным аспектом проблемы является и то, что в России решение модернизационных вопросов как в целом, так и в ее региональном разрезе *не может быть осуществлено без опоры на сильное государство*. Это обусловлено как социокультурными соображениями, так и общетеоретическими проблемами реформирования экономики и общества. Сама российская география сделала необходимыми для региональных элит четкие импульсы центральной власти, которые в свою очередь должны адекватно восприниматься регионами. Без этого невозможно существование столь огромной территории как единого государства; на таких принципах оно складывалось веками.

Эти социокультурные особенности, предполагающие более значительную, нежели в других условиях, роль государства в жизни российского социума, неоднократно отмечались исследователями, подчеркивавшими, что данная черта сохраняется по сей день и что игнорирование или преуменьшение роли государства в любых реформаторских начинаниях в нашей стране ведет к срыву необходимых преобразований. В частности, в последние годы эту идею обосновывает в своей теории неозакратизма О.И. Шкаратан [Шкаратан 2004; Шкаратан 2009].

По его мнению, «внутри евразийской цивилизации и на ее основе на территории бывшего СССР сформировалась и развивалась этакратическая социетальная система..., которая стала параллельной ветвью капиталистической индустриально-экономической системы, но с ее собственными законами функционирования и развития» [Шкаратан 2009, с. 466]. При этом, признавая господство в современной России архаичных отношений власти-собственности, Шкаратан отмечает, что и в этой ситуации остается возможность становления в стране информационной экономики и постепенного изменения на этой основе социальных отношений. Однако условием такой траектории развития является отнюдь не поощрение спонтанно идущих процессов, а «понимание того ключевого обстоятельства, что капитализм (тем более капитализм неофитов советского разлива) требует разумного твердого государственного контроля» [Шкаратан 2009, с. 471].

Тезис об огромном значении роли государства в деле модернизации отстаивает и В.М. Полтерович: «В период проведения реформы роль государства увеличивается. В частности, эффективная модернизация требует укрепления государства (“ортодоксальный парадокс”»)» [Полтерович 2007, с. 425]. Ученый подчеркивает, что во всех странах, «добившихся быстро и длительного роста, он был инициирован жесткими политическими режимами, достаточно сильными и устойчивыми для того, чтобы не следовать “модным” рецептам экономической политики, подавить избыточную перераспределительную активность и вместе с тем допустить становление гражданского общества. Каждая из этих стран сумела найти нестандартные институциональные формы, послужившие мотором развития на начальных этапах и опиравшиеся на особенности национальной культуры» [Полтерович 2007, с. 283].

Таким образом, исследователи признают, что реформы, предполагающие преобразование «естественного государства» (системы власти-собственности), могут начинаться и в условиях, когда в стране еще сильны достаточно архаичные институциональные формы, в том числе формы государственного устройства. Однако это справедливо при одном условии – реформы должны осуществляться не

спонтанно, а как результат продуманной социально-экономической политики государства. Причем не менее важным фактором, чем программа преобразований, является *способность государственного аппарата проводить намеченные преобразования в жизнь*. То есть они должны реализовываться в ситуации «сильного государства», имеющего в своих руках рычаги воздействия на всех участников процесса.

Какова в этом плане была ситуация в СССР в 1980–1990-х гг.? Как отмечает А.А. Яковлев, основываясь на анализе условий, которые необходимы для начала перехода от «естественного государства» с «порядками ограниченного доступа» к обществу с господством «порядков открытого доступа», сформулированных Д. Нортон и его коллегами, в тот период в нашей стране сложились предпосылки для такого перехода. Однако так как сама советская система была системой крайне идеологизированной, не способной к преобразованию без разрушения своей идеологической основы, результатом идеологического демонтажа стало крушение всей конструкции, в том числе и тех ее элементов, которые могли создать предпосылки к более плавному переходу общества в новое состояние. Что вполне естественно, так как «общественное развитие может быть устойчивым лишь тогда, когда оно опирается на общие убеждения и ценности, которые естественным путем возникают из взаимодействия частных интересов» [Яковлев 2012, с. 166]. Рухнула не только идеологическая система, но и само государство.

Напомню, что бывший Председатель Совета Министров СССР Н.И. Рыжков на IV Съезде народных депутатов СССР в декабре 1990 г. в условиях, когда «сыпалась» вся система государственного управления, восклицал: «Приоритет идеологии над экономикой – это не мелочь, не частность, не волюнтаризм, не глупость тех или иных руководителей. Это суть той модели, в которой мы жили, это ее устой» [Четвертый съезд 1990, с. 24]. Но в результате «девальвация общей системы ценностей и ориентация советской элиты на сугубо частные интересы во многом предопределили те масштабы “приватизации государства” (*state capture*), которые мы наблюдали в России в последние двадцать лет» [Яковлев 2012, с. 165]. Все это не могло не сказаться на качестве государственных структур, которые к тому же уже в позднесоветский период начали существенно деформироваться.

Как отмечалось Р.М. Нуреевым и А.Б. Руновым, предпринятая в начале 1990-х гг. попытка демонтировать сложившуюся в стране в советское время конструкцию власти-собственности не увенчалась успехом и завершилась к началу 2000-х гг. ее переинституционализацией [Нуреев, Рунов 2002]. Однако переход от демонтажа старой системы власти-собственности к ее новой институционализации и завершение этого процесса под лозунгами укрепления вертикали власти нельзя трактовать как возвращение вновь выстраиваемым отношениям свойств, характерных для сильного государства. Во многом это связано со спецификой той конструкции системы власти-собственности в нашей стране, которая обусловлена прежде всего ее масштабами. Как известно, она сложилась еще в Российской империи, а затем была воспроизведена большевиками в новой идеологической оболочке. Эта конструкция не столь примитивна, как хотелось бы видеть ее сторонникам вертикали власти. Она выходит за узкие рамки простого подчинения нижестоящего уровня вышестоящему, а потому сама идея «вертикали» оказывается не соответствующей сложившейся сложности институциональной структуры.

И Нуреев, и Рунов, разбирая институциональную структуру системы власти-собственности советского периода, представили ее в виде набора пирамид

разного уровня (см. [Права собственности 2009, с. 112; Нуреев 2009, с. 68]), причем «каждая нижестоящая “пирамидка” копировала вышестоящую» [Права собственности 2009, с. 111]. Уже такая схема построения вертикальных связей Центра и региональных образований разного статуса (от областей и национальных республик до районов и отдельных поселений) свидетельствует, что для ее полноценного функционирования одних лишь командных импульсов «сверху» недостаточно. Каждая из пирамидок, пусть в целом и встроена в единую большую пирамиду, живет своей жизнью, имеет собственные интересы. И, как показала советская практика хозяйствования, может четко функционировать только в случае, когда за невыполнение команды «сверху» незамедлительно следует жесткое наказание. При ослаблении страха санкций все большее значение начинают обретать локальные интересы нижестоящих пирамидок, формируется «экономика бюрократического торга» (С.Г. Кордонский, В.А. Найшуль), все чаще относящаяся к приказам «сверху» лишь как к «информации к размышлению».

Начиная с 1960-х гг. эти процессы медленно подтачивали советскую систему государственного управления. В период же перестройки в связи с попытками оживить неэффективную экономику путем внедрения в нее чуждых ее сути элементов они лишь ускорились. Важную роль здесь сыграл демонтаж такого ключевого элемента конструкции советской системы власти-собственности, как резкое ослабление полномочий истинного собственника всех средств производства в стране – партии-государства (подробнее см. [Плискевич 1998; Плискевич 1999; Плискевич 2006]), равно как и уже упоминавшиеся процессы разложения коммунистической идеологии. Д. Норт, говоря о развале советской системы, отмечает: «Фактически именно такое событие – разрушение партии как политического инструмента – выглядит непосредственной причиной краха» [Норт 2010, с. 215]. Немаловажную роль сыграли и запредельные структурные деформации советской экономики, из-за которых денежные выплаты населению в виде зарплат, пенсий, пособий и т.п. не получали должного товарного покрытия.

Советская экономика была не просто экономикой дефицита. Невозможность реализовать имеющиеся денежные средства по легальным каналам толкала людей на поиски необходимых им товаров и услуг в нелегальном секторе, который к середине 1980-х гг. разросся до степени теневой экономики. Ее лидеры стали реальной силой, оказывающей существенное влияние на развитие не только экономических, но и социальных и политических процессов по созданным ими неформальным каналам.

Феномен «слабого государства»

Все это способствовало тому, что в стране наряду с формальными связями и отношениями, обусловленными законами и писаными правилами, складывались неформальные отношения, вытекающие из локальных интересов отдельных группировок. Впрочем, благодаря неформальным связям часто удавалось корректировать последствия недостаточно проработанных приказов, спущенных «вниз» по вертикали. Однако такое смешение формальных и неформальных отношений, с одной стороны, позволяло смягчать дефекты столь жесткой конструкции, но с другой – свидетельствовало об ослаблении построенного по такой схеме государственно-

го устройства. Появился феномен «слабого государства», не имеющего ресурсов для того, чтобы заставить чиновников всех уровней четко выполнять официальные предписания. Сам факт, что для нормального функционирования государства и общества в целом оказывается недостаточно принятых формальных правил, говорит о том, что по своей сложности принятая система управления вертикали власти, встроенной в общую конструкцию системы власти-собственности, не соответствует сложности самой управляемой системы, сложности социальных отношений современного общества.

Сочетание формальных и неформальных правил, характерное для выстроенной в России институциональной системы, указывает, как отмечает А.В. Леденёва, на ее несовременность и неэффективность [Ledeneva 2013]. Оно делает крайне затруднительным, если вообще возможным, формирование в таких условиях подлинно сильного государства. Ибо сила государства – прежде всего в четком выстраивании системы формальных правил, опирающихся на закон, и эффективности рычагов как поощрений за следование этим правилам, так и санкций, неотвратимо наступающих нарушителей. Вплетение же в действующую конструкцию компонента неформальных норм и правил не только свидетельствует о слабости формальной конструкции, очевидно, не способной обеспечивать бесперебойное функционирование государственного организма, но и создает ту область неопределенности, которая открывает простор для противоречивых действий как отдельных представителей властной вертикали, так и разнообразных кланов и группировок, концентрирующихся в нижестоящих пирамидках системы власти-собственности.

Такая система, по словам Леденёвой, оказывается ни формальной, ни неформальной, построенной на клановых и сетевых связях, которые при этом не имеют четко фиксированных границ. В подобной ситуации многое оказывается предоставленным на усмотрение самых разных функционеров властной вертикали, равно как и обладающих достаточным весом представителей непосредственно не входящих во властные структуры группировок. Это делает, по сути, непредсказуемым поведение такой конструкции в тех или иных ситуациях [Ledeneva 2013]³.

В то же время такое сочетание формальных и неформальных норм открывает простор для коррупции, которая оказывается уже не исключением из правил, а органической частью системы. Более того, во многом обеспечивает саму возможность ее функционирования. «Специфика российской коррупции состоит в том, что под одним и тем же названием объединяются собственно коррупционное поведение людей с одинаковым социальным статусом и перераспределение ренты в рамках патрон-клиентских сетей, которые выступают основой естественного государства (государства с ограниченным доступом). Борьба с патрон-клиентскими сетями, которые, с одной стороны, есть часть государственного аппарата, а с другой – часть гражданского общества, в этих условиях не может быть не чем иным, как борьбой *между* патрон-клиентскими сетями. *Других политико-экономических субъектов в России просто нет*» [Ореховский 2012, с. 115–116].

Идеи о глубокой укорененности коррупции в сложившейся у нас институциональной структуре (т.е. в современном варианте системы власти-собственности) на обширном социологическом материале 2000-х гг. подтверждают авторы капитального исследования российской коррупции [Российская коррупция 2013].

³ См. также рецензию на эту книгу С. Гуриева в журнале “Pro et contra”, 2013 № 1–2.

В частности, они отмечают: «Мы вправе усматривать за устойчивостью и распространенностью коррупционного поведения наличие социальных норм, регулирующих это поведение. Речь идет, конечно, о неформальных нормах. Коль скоро мы говорим в данном случае о возможности существования таких норм, то мы должны, будучи последовательными, допустить существование социальных (неформальных) институтов, порожденных определенными социальными группами для поддержания данных норм. Нас не должно приводить в недоумение то обстоятельство, что поведение, которое является антинормой в том смысле, что оно преследуется законом и что оно осуждается общественным сознанием, мы рассматриваем как норму. Во-первых, укорененность и распространенность коррупции заставляет нас предположить, что они невозможны без определенной социальной институционализации. Во-вторых, понятие нормы относительно. То, что является нормой для одной социальной группы, может быть антинормой для другой» [Российская коррупция 2013, с. 74].

Кроме того, ситуация, в которой происходит успешная институционализация неформальных практик, свидетельствует о слабости формальных правил, невозможности исключительно на их основе организовать нормальные социальные взаимодействия, а значит – о слабости государства как носителя и защитника формальных норм и правил. О том, что 2000-е гг. не стали годами укрепления государства, свидетельствует и вывод приведенного исследования об укреплении в этот период коррупционных практик: «...мы зафиксировали как стремительный рост деловой коррупции (и отдельных рынков бытовой коррупции) в России, так и укоренение различных видов коррупции в самых различных зонах российского социального пространства» [Российская коррупция 2013, с. 738].

Нельзя не признать, что на протяжении всех 2000-х гг. предпринимались попытки укрепления вертикали власти, которые в итоге сложились в укрепление режима «ручного управления». Однако успехи в повышении управляемости идущими в обществе процессами нельзя признать ощутимыми. Это признают и сами представители власти. Даже Президент РФ В.В. Путин неоднократно сетовал на то, что его указы и распоряжения не выполняются. О плохой исполнительской дисциплине часто можно слышать и от Д.А. Медведева, и от многих министров российского правительства. Основным результатом всей этой деятельности стал лишь резкий рост бюрократической зарегулированности. Как отмечает Э.Л. Панеях, издержки государственного управления, «которые порождаются системой учета и отчетности *внутри* государственных организаций, призванных осуществлять силовые, распределительные и контрольные функции... велики и возникают в результате принятых учета и отчетности внутри государства, направленных на контроль за сотрудниками государственных органов, которые обеспечивают общественный порядок, следят за деятельностью частных лиц и организаций, производят и распределяют социальные блага. КПД отдельного государственного учреждения в современной России – будь то полицейское ОВД, школа, поликлиника или министерство – вероятно, намного ниже, чем даже в Советском Союзе» [Панеях 2013, с. 79].

Она констатирует, что 25 млн сотрудников российских органов управления, силовых структур, других государственных учреждений большую часть своего рабочего времени заняты тем, что заполняют и отрабатывают бумаги, «при помощи которых одни госслужащие... доказывают другим госслужащим... что они не бездельники, не воры и не полные профаны в своем деле» [Панеях 2013, с. 80].

Подобная практика свидетельствует лишь о том, что вместо сильного государства, необходимого не только для проведения модернизационных преобразований, но и просто для более-менее эффективного поддержания *status quo*, мы получили рыхлое, «большое» и неэффективное государство.

Думается, здесь стоит отметить, что прочно укоренившееся в отечественной не только публицистической, но и научной литературе изображение сторонников либеральных принципов развития страны как последовательных антигосударственников по сути своей неверно. «Последовательный либерал не является анархистом», – писал М. Фридман, причем в работе, созданной в период особой популярности в мире дирижистских идей и посвященной полемике с ними [Фридман 2005, с. 60]. В дискуссиях либералов и государственников речь идет не об отрицании роли государства в регулировании социально-экономических процессов, а о сферах и объеме этого регулирования. И здесь можно выделить, с одной стороны, функции государства, жизненно необходимые для нормальной деятельности социума, и области дополнительные, которые в разных ситуациях вполне могут развиваться не только под патронатом государства, но и на основе самоорганизации и частной инициативы – с другой.

Фридман признает важность и необходимость государственного вмешательства: «Государство, которое поддерживает законпорядок, определяет права собственности, служит нам средством модификации прав собственности и других правил экономической игры, выносит третейские решения по поводу разных толкований этих правил, обеспечивает соблюдение контрактов, благоприятствует конкуренции, обеспечивает кредитно-денежную систему, противодействует техническим монополиям и преодолевает “внешние эффекты” (достаточно важные, по общему мнению, для того, чтобы оправдать государственное вмешательство), – выступает в качестве дополнительной силы по отношению к частной благотворительности и семье в деле защиты недееспособных (будь то умалишенные или дети) – такое государство, несомненно, выполняет важные функции» [Фридман 2005, с. 59–60].

Рассуждая о том необходимом минимуме функций, которые целесообразно возложить на государство, вряд ли можно в современном мире признать «список Фридмана» исчерпывающим, прежде всего в том, что касается социальных функций современного государства. Можно, конечно, признать его логику, равно как и логику других либертарианцев, полагающих, что человек должен серьезно относиться к себе и своей семье, стремиться самостоятельно обеспечивать свои потребности в образовании, поддержании здоровья, откладывая средства на старость, страховать на случай разного рода форс-мажорных обстоятельств и т.п. То есть важно создавать такие условия (и это, кстати, важнейшая функция государства), чтобы воспитывать у каждого чувство ответственности и за себя, и за своих близких. Без этого нельзя вырастить подлинного гражданина, осознанно принимающего и экономические, и политические решения.

Правда, тут упускается из вида, что далеко не всегда сложившаяся ситуация целиком зависит от воли и ответственности отдельного индивида. Именно поэтому даже в самых либеральных обществах (и именно там в наибольшей степени) государство берет на себя финансирование широких программ в области образования, здравоохранения, социальной поддержки, пенсионного обеспечения. Нельзя также забывать и о таких важнейших аспектах жизни современного общества, как фундаментальная наука и искусство. Потребности в их развитии отнюдь

не очевидны для большинства индивидов, составляющих социум, но современное общество немислимо без развитых науки и искусства, пусть даже не во всем их многообразии, а лишь в каких-то отдельных областях. И жизнь показывает, что именно государство становится в этой сфере основным заказчиком. Если субъектам предпринимательской частной инициативы невыгодно вкладывать деньги в то, что принято называть общественным благом, государство вынуждено брать на себя организацию его производства или использовать налоговые механизмы компенсации соответствующих расходов. Тем более что вложения в сферы образования, науки, культуры рассматриваются в современном мире как наиболее эффективный вид инвестиций в развитие общества (см. об этом [Гринберг, Рубинштейн 2000; Гринберг, Рубинштейн 2008; Рубинштейн 2008]).

Эти и многие другие функции государства, которые касаются его социальной ответственности, в каждой конкретной ситуации, зависящей от разнообразных факторов (среди них и деловая культура общества, порождающая социальную ответственность бизнеса за развитие нерыночной сферы общественных благ, и состояние переходности общества с плохо развитой сферой частного бизнеса и т.п.), можно отнести как к области необходимого вмешательства государства, так и к области, недостаточно важной в данный момент для того или иного общества, которой допустимо пренебречь. Все это – предмет дискуссий, конкретных возможностей того или иного бюджета и т.д. Такое увеличение объемов государственного вмешательства требует расширения налоговой базы, усиления перераспределительных процессов и т.п.

От того, в какой степени государство берет на себя те или иные социальные обязательства и, соответственно, увеличивает сферу своего непосредственного вмешательства в жизнь социума, зависит его *величина*, но не *сила*. Что же касается функций государства, безукоризненное исполнение которых делает его сильным, то, по сути, все они перечислены Фридманом, требующим от государства четкости в соблюдении закона, выполнении третейских функций по поводу толкования принятых правил, обеспечения стабильности кредитно-денежной системы, общественной безопасности и т.п. Перечень Фридмана можно признать минимальным, нуждающимся в расширении, но без его неукоснительного выполнения современное государство не может быть сильным. В такой ситуации расширение ареала его деятельности в область не только социальной сферы, но и непосредственно в экономику лишь усугубляет общую слабость, обусловленную пренебрежением базовыми обязанностями, ибо такое пренебрежение порождает неопределенность и произвол во всех областях функционирования общества.

К сожалению, именно такая ситуация складывается в современной России, где государство не может обеспечить прежде всего выполнение своих базовых функций по поддержанию законности на всей территории безотносительно к статусному положению нарушителей закона. Здесь важнейшая роль принадлежит судебной системе; именно она теоретически должна ограждать граждан от произвола чиновников всех уровней, в том числе и представителей силовых структур. Однако пока общественное мнение свидетельствует о массовой неудовлетворенности ее работой. Так, по данным Левада-Центра, более 80% опрошенных полагают, что судебные ошибки в России допускаются часто и очень часто, а более 60% не надеются на справедливый суд [Общественное мнение-2011 2011, с. 129; Общественное мнение-2013 2014, с. 131]. Столь же велика доля тех, кто полагает, что для современной России весьма серьезной является проблема беззакония

и произвола правоохранительных органов: таковых более 80% опрошенных [Общественное мнение-2012 2012, с. 104]. Причем характерно, что эти показатели были устойчивыми на протяжении всего периода 2000-х гг., то есть тогда, когда в стране укреплялась вертикаль власти.

Не менее пессимистичны результаты исследований отношения бизнеса к судебной системе и правоохранительным органам. Так, в работе Фонда ИНДЕМ, построенной на анализе социологических опросов предпринимателей, констатируется, что «безнадежно, по мнению предпринимателей, пытаться найти защиту в судах от неоправданного вмешательства в бизнес со стороны органов власти и управления». Более того, в своих интервью предприниматели отмечали, что в случаях, когда они обращались в суды для решения своих проблем, они нередко в разных формах давали взятки судьям [Российская коррупция 2013, с. 565].

В коррупционные отношения вовлечены и многие сотрудники правоохранительных органов, но наказание здесь весьма избирательно. Такая ситуация, во-первых, «позволяет большинству чиновников и бизнесменов безнаказанно нарушать нормы законодательства, в том числе с целью получения личных и корпоративных преимуществ», во-вторых, дает возможность «наиболее влиятельным чиновникам и бизнесменам создавать невыносимые условия существования своим конкурентам в бизнесе, государственном и муниципальном управлении, а также в политике» [Российская коррупция 2013, с. 567]. Все это свидетельства слабости институтов государства, заставляющей значительную часть граждан во многих случаях пренебрегать формальными, утвержденными законами (а нередко и этическими устоями) принципами и нормами, отдавая предпочтение нормам неформальным. Но такая фактическая преференция следованию неформальным нормам и правилам по сравнению с правилами формальными, закрепленными в законодательстве, и является наиболее ярким свидетельством слабости государства.

Ситуация могла бы быть не столь критической, если бы в стране действовали каналы обратной связи. Однако выстроенная вертикаль сориентирована лишь на импульсы, идущие «сверху», и на произвол нижестоящих властей реагирует в исключительных случаях. Здесь явно влияние того факта, что внешне копируя многие институты развитых государств, мы в то же время, встроив их в свою систему власти-собственности, исказили их содержание, исключив из общего институционального набора такие компоненты, как свободная пресса, независимый суд и т.п. Более того, из институциональной системы власти-собственности, во многом воспроизводящей советский аналог, исчез один важный компонент, действовавший в СССР и нередко позволявший снимать напряжение прежде всего в низовых структурах системы. Это институт административных жалоб.

Данный элемент выделяет О.Э. Бессонова, детально анализирующая институциональную систему российского варианта «естественного государства», или системы власти-собственности, определяя ее как систему «раздаточной экономики». Она констатирует, что в любой социально-экономической системе должны присутствовать «естественные сигналы обратной связи, на основании которых принимаются решения и проводится соответствующая политика». В традиционной отечественной институциональной системе такая обратная связь, по мнению Бессоновой, «осуществляется через институт административных жалоб, в основе которого лежит право на жалобу всех граждан и хозяйствующих субъектов». Институт жалоб в советский период «обеспечивал диалог между лицами, принимающими решения, и всем населением по поводу возникающих проблем и способов их решения» [Бессонова 1998, с. 90].

Отсутствие данного института достаточно болезненно воспринимается населением, особенно перед лицом произвола местных властей либо представителей силовых структур, в новой ситуации в гораздо большей степени чувствующих свою безнаказанность. Не случайно типичным стало высказывание людей, пытающихся определить, в чем ухудшилась их жизнь в современной России, а именно: «пожаловаться некому...». Данную функцию теоретически должны были бы выполнять свободные СМИ и независимая судебная система, но, будучи встроенными в вертикаль власти, они срабатывают обычно лишь в случаях, когда в спор вступают лица, стоящие на одном уровне в иерархии и не имеющие разноуровневых властных покровителей. Отдельные примеры исключения из общего правила дают редкие случаи общения населения с первыми лицами страны. Однако, во-первых, тут возникает вопрос о причинах и способах отбора жалобщиков, а во-вторых, само такое исключение только подтверждает отсутствие самой возможности пожаловаться или иным законным способом решить свои проблемы. Блокировка системы обратной связи в современном российском варианте конструкции власти-собственности серьезно ее ухудшает по сравнению с советской версией, делает ее более жесткой, а потому и более хрупкой.

Специфика российской вертикали власти

Данный дефект отечественной системы власти-собственности весьма важен при анализе этой конструкции в региональном аспекте. Он затрудняет получение верхними элементами общей властной пирамиды информации о том, что происходит в пирамидках, расположенных на ее нижних этажах. Тем более что, подобно тому как в советской системе власти-собственности, по замечанию А. Рунова, сложились две пирамидальные иерархии – партийная и хозяйственная – с их сложными связями между собой (см. [Права собственности 2009, с. 119–121])⁴, в современной российской иерархии параллельно с основной пирамидой власти *de facto* сложились еще две пирамиды. Это, во-первых, пирамида крупного, прежде всего государственного бизнеса, складывающаяся из госкорпораций и тесно переплетенных с ними частных бизнес-структур, а во-вторых, пирамида силовая, живущая своей жизнью, не подчиняющаяся региональным руководителям, а замыкающаяся на федеральные руководящие центры силовых ведомств.

Схематически конструкция современного российского варианта системы власти-собственности представлена на *рисунке 1*. Очевидно, что речь идет не о вертикали власти и даже не о трех вертикалях, контролирующих соответственно: 1) собственно административный государственный аппарат с по сути сращенными с ним законодательными органами власти; 2) экономическую деятельность, управляемую вертикалью прежде всего через господство в экономике госкорпораций, а также ведущих монополий, формально частных, но реально зависимых в своей политике от воли тех, кто находится в центре данной конструкции; 3) силовой блок государства, на деле выделившийся в особую вертикаль, автономную от административной.

⁴ Эти две линии в управлении собственностью рассматривались мной как некий аналог немецкой системы корпоративного управления, для которой характерны два совета директоров – собственников, контролирующих общую стратегию фирмы, и менеджеров, отвечающих за текущую хозяйственную деятельность. Такая ситуация была естественна для конструкции власти-собственности в условиях, когда в стране *de facto* вся собственность была сосредоточена в одних руках – партии-государства [Плискевич 1999].

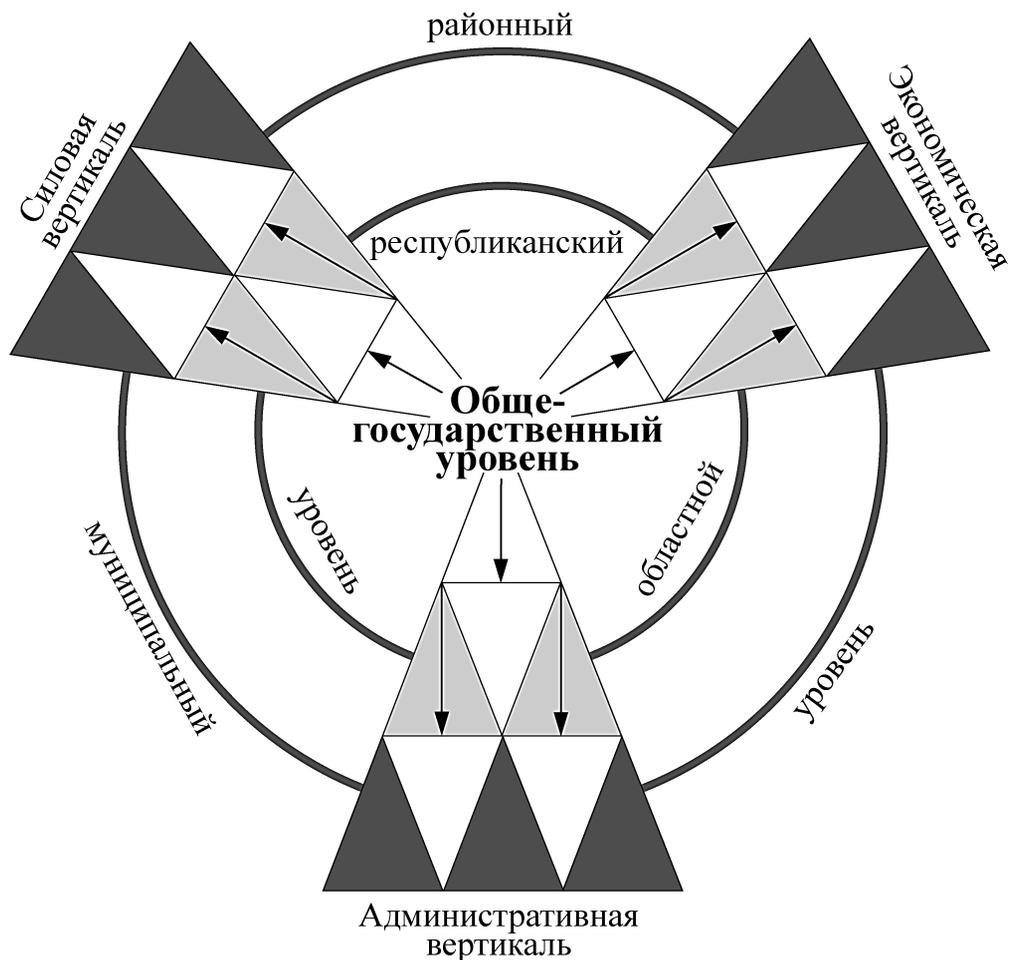

Рисунок 1. Структура современной российской системы власти-собственности

De facto мы имеем не три вертикали, а три пирамиды, выстроенные по традиционным для страны образцам системы власти-собственности. То есть по каждому направлению складываются отношения не просто строгой иерархии подчинения, а иерархии, осложненной отношениями внутри нижестоящих пирамидок. Кроме того, потребности повседневной жизни не могут не заставить субъектов, принадлежащих к пирамидкам нижних уровней иерархии, вступать в отношения со своими контрагентами из соответствующих пирамидок других вертикалей. Эти отношения могут носить разный характер, в том числе и конфликтный, и в этом случае победа в возникающих спорах, учитывая общую иерархичность конструкции, может быть решена на более высоком уровне иерархии в соответствии с тем, в какой из вертикалей находится субъект, наиболее авторитетный для занимающих самые высшие позиции. То есть успешность того или иного дела (или предложения) в условиях конкуренции пирамидок решается исходя не из соображений

эффективности или рациональности, а в соответствии с соотношением весов поддерживающих либо противящихся ему представителей иерархических группировок.

В такой ситуации формальные правила неизбежно должны быть дополнены неформальными. Причем действенность и формальных, и, особенно, неформальных правил зависит прежде всего от индивидуальных качеств и «корпоративной силы» лица, занимающего то или иное положение в пирамидальной конструкции. Смена индивидуума ведет к ревизии всех договоренностей, достигнутых предшественником, переделу зон влияния, контроля над собственностью, финансовыми потоками и иными активами между конкурирующими властными группировками. То есть сама эта пирамидальная конструкция препятствует тому обезличиванию «постоянно существующих форм общественных и частных организаций, включая само государство», их независимости от личности возглавляющего их руководителя, которое выступает как второе необходимое «пороговое условие для элит» при переходе к «порядкам открытого доступа» в концепции Д. Норта и его коллег [Норт, Уоллис, Вайнгаст 2011, с. 76].

К тому же появление третьей – силовой – пирамиды управления создает дополнительные преграды для реализации третьего «порогового условия для элит» при переходе к «порядкам открытого доступа», согласно которому требуется «консолидированный политический контроль над вооруженными силами» (точнее – над всеми силовыми структурами государства) [Норт, Уоллис, Вайнгаст 2011, с. 76]. В нашей же конструкции генеральная линия контроля над силовым блоком проходит исключительно по силовой вертикали, идущей от первого лица. Но так как структура выстроена как своеобразная «матрешка» пирамид, оказывается, что каждая нижестоящая имеет свои интересы на подведомственной ей территории, там она может действовать в соответствии со своими потребностями, даже пренебрегая общими требованиями закона, но обладая защитой от гражданского контроля на местах в виде части общей независимой силовой пирамиды.

Точно так же можно сказать, что экономическая вертикаль, организованная по принципу пирамидальной конструкции системы власти-собственности, не может эффективно решать возложенные на нее задачи технологической модернизации страны даже в случаях, когда для их решения применяются современные методы и имеется явная поддержка начинаний со стороны центральной власти. Так, И. Дежина, анализирующая проблему использования для внедрения инноваций в регионах России технологических платформ, отмечает: несмотря на то, что «в случае с техноплатформами зарубежный опыт был заимствован достаточно творчески, произошел некоторый сбой собственно в налаживании их взаимодействия с государством. Залог успеха во многом лежит в слаженности совместной работы разных ведомств, их способности организовать систему обратной связи, иными словами, в качестве управления... Для того чтобы платформы стимулировали инициативу и развитие связей, важен гибкий подход, который реализовать, может быть, сложнее всего в условиях сильной централизации государственного управления и вытекающей из него унификации процессов и методов» [Дежина 2014, с. 9].

В то же время разрозненные попытки регионов и даже отдельных городов по разработке собственных планов технического развития сталкиваются со многими проблемами, препятствующими созданию высококачественных современных проектов. В.М. Полтерович полагает, что ситуация «не может быть существенно улучшена в рамках имеющихся административных структур». С его точки зрения,

«существующую систему управления необходимо на всех уровнях дополнить институтами-посредниками, обеспечивающими взаимодействие между администрациями, бизнесом, наукой и гражданским обществом» [Полтерович 2011, с. 3]. Думается, однако, что при всей важности таких институтов их эффективность будет зависеть в первую очередь от того, насколько удачным окажется их взаимодействие с основными вертикалями системы власти-собственности и насколько руководители конкретных проектов будут заинтересованы в подлинно инновационной деятельности. В противном случае эти новые институты будут абсорбированы административной вертикалью. Получаемые же средства на создание инновационных проектов станут расходоваться не на инновационную деятельность, а на поддержание этой новой бюрократической структуры. А значит – произойдет новое «разбухание» государства без увеличения его «силы» в данной конкретной сфере.

В частности, созданию инновационных кластеров как стратегии встраивания в отечественную экономику технологических инноваций препятствует конструкция системы власти-собственности с ее сформированными тремя пирамидальными структурами, ориентированными прежде всего на приоритет вертикальных связей внутри каждой из пирамид, на инициативы «сверху». Это, естественно, затрудняет выстраивание нормальных горизонтальных взаимодействий на местах. В случаях, когда региональное руководство осознает жизненную потребность в налаживании таких связей, их выстраивание выливается в дополнительную проблему. Об этом, в частности, говорит А. Сотников – генеральный директор ОАО «Агентство инновационного развития – Центр кластерного развития Калужской области» – один из руководителей региона, ставшего в последнее десятилетие примером модернизации регионального производства: «Для развития кластеров важно проводить различные комплексы мероприятий: создавать платформы для диалога всех экономических агентов, работающих в кластере, осуществлять диверсификацию местного спроса посредством размещения у местных предприятий государственных заказов с более высокими стандартами, повышать квалификацию и развивать местную рабочую силу через реализацию программ образования и переподготовки кадров» [Сотников 2014, с. 13]. При этом он особенно подчеркивает важность того, что изначальная инициатива по их созданию должна идти «снизу», от будущих участников. Только тогда она будет эффективна: «...нельзя создать кластер только сверху, административными методами, – для этого необходимы более эффективные механизмы экономического развития на региональном уровне: индустриальные парки и особые экономические зоны, технопарки высоких технологий и региональные инжиниринговые центры. Данные направления необходимо серьезно усиливать» [Сотников 2014, с. 12]. Однако такой вариант экономического управления по сути своей не вписывается в конструкцию власти-собственности и может развиваться лишь при условии, что предложение об этой низовой инициативе смогло пробиться на самый «верх» пирамиды и получить там поддержку, включающую и защиту от действия или бездействия пирамидок соответствующего уровня, но входящих в другие вертикали.

Эту проблему в рамках концепции экономической синергетики затрагивают Л.П. и Р.Н. Евстигнеевы, отмечающие, что «в нынешней линейной модели экономического роста переходной бюджетной экономики региональные рынки связаны с финансовым капиталом достаточно бессистемно» [Евстигнеева, Евстигнеев 2010, с. 87]. Такую бессистемность, в частности, можно объяснить и рассогласованностью трех вертикалей пирамидального типа, являющихся естественным

компонентом той линейной экономики, которую критикуют Евстигнеевы. В то же время вряд ли реален предложенный ими выход из положения в ситуации господства в стране описываемой конструкции системы власти-собственности. С их точки зрения, «обещающей перспективой является формирование *инвестиционных кластеров*, способных объединить корпоративные и региональные (межрегиональные) интересы с интересами центра. Для нас кластер – элемент иерархической системы рынков во главе с рынком стратегических программных инвестиций». И далее: «Иерархическая рыночная макроэкономика не допускает включения в экономическую политику региональной проблематики в виде автономного блока. Ни один из структурных уровней рынка не может абстрагироваться от регионального участия» [Евстигнеева, Евстигнеев 2010, с. 89].

Предлагаемый авторами путь экономического развития и их трактовка иерархической рыночной экономики как иерархии капиталов во главе с финансовым капиталом по сути своей противоречат сложившейся в стране иерархичности системы власти-собственности, основанной на слепом подчинении низших этажей выделенных пирамид высшим и минимизации свободы выбора, особенно на нижних – региональных – этажах. Это – реалии современного этапа нашего развития, так как «степень свободы экономического выбора является функцией масштаба и сложности рынка, то есть это продукт эволюции рыночной экономики». И «мера свободы стратегического экономического выбора служит показателем эффективности действия системы рыночных, экономических и социально-политических регуляторов рынка... Экономическая свобода есть приспособление к неопределенности...» [Евстигнеева, Евстигнеев 2010, с. 74, 79–80].

То есть, по мнению Евстигнеевых, путь к развитому сложному рынку лежит через расширение свободы выбора как средства и способа преодоления неопределенности. Система же власти-собственности нацелена на прямо противоположный способ преодоления неопределенности – через жесткое административное регулирование в рамках выстроенных властных вертикалей. Однако, как уже было показано, на деле эти вертикали оказываются не столько сильными, сколько масштабными. Диктуемые ими формальные нормы и правила оказываются не способными давать своевременную реакцию на постоянно возникающие неопределенности и конкретные вызовы, особенно на нижних уровнях выстроенных пирамид, тем более что речь идет фактически не об одной, а о трех связанных лишь в точке вершины пирамидах и вмонтированных в них многих пирамидах нижних уровней иерархии. В такой ситуации, как было отмечено, попытки внедрения инновационных кластеров как существенный инструмент государственной модернизационной политики наталкиваются на серьезные дефекты системы управления экономикой.

Не менее важно, что выстроенная в России конструкция системы власти-собственности блокирует развитие малого и среднего бизнеса. По сути, именно эта сфера всегда была носителем подлинно либеральной экономики. Не случайно у нас в стране идеологи создания системы власти-собственности советского образца видели основную опасность для своей власти именно в «мелкобуржуазной стихии» как элементе, не только не вписывающемся в создаваемую ими конструкцию, но и прямо противоречащую ей, несущую в себе элементы независимости – не только экономической, но и политической.

Малый и средний бизнес – базовые элементы развитой рыночной экономики. В частности, анализируя примеры успешности реформ в переходных экономиках, Ж. Ролан в качестве важного фактора успеха реформ в Китае, Венгрии и Вьетна-

ме указывает на то, что там развитие малого и среднего бизнеса предшествовало более глубоким преобразованиям. Например, благодаря этому в Китае доля негосударственного сектора в производстве выросла с 22% в 1978 г. до 47% в 1991 г. [Ролан 2007, с. 73]. И у нас развитие малого и среднего бизнеса могло бы дать толчок серьезным преобразованиям во многих регионах России. В частности, Л.П. и Р.Н. Евстигнеевы, формулируя задачи страны с позиций экономической синергетики, прямо указывают, что для России «первоочередной задачей является ставка на малый и средний бизнес в рамках формирования рыночной иерархии и системы инвестиционных территориальных кластеров» [Евстигнеева, Евстигнеев 2010, с. 93].

Однако в России развитие малого и среднего бизнеса идет с огромными трудностями. В конце 1980-х гг., в годы разложения советского варианта системы власти-собственности, с принятием законов о кооперации и индивидуальной трудовой деятельности наблюдался всплеск этой формы предпринимательства. Но тот период был слишком коротким для нормального становления малого и среднего бизнеса. И Ж. Ролан говорит о правомерности вопроса о том, что «нельзя ли было избежать неблагоприятной реакции внутреннего рынка на либерализацию цен, в особенности в России, если бы до проведения либерализации было бы оказано достаточное содействие формированию малого частного бизнеса в промышленности и сфере услуг» [Ролан 2007, с. 75]? После же начала экономических реформ либерализация цен и резкий скачок инфляции особенно больно ударили по новым для страны независимым малым предпринимателям, которые понесли значительные потери.

Об этом, в частности, говорил тогда академик ВАСХНИЛ В.А. Тихонов, возглавлявший Лигу кооператоров и предпринимателей. Он отмечал, что инфляция резко обесценила денежные накопления и одновременно столь же резко повысила в цене различные материальные активы (запасы сырья, материалов, топлива и т.п.). Владельцами же последних в производственной сфере были, как правило, старые государственные предприятия. За долгие годы советской хозяйственной практики с ее постоянными перебоями в поставках и разнообразными дефицитами они стремились сделать запасы комплектующих материалов, сырья и т.п., ценность которых после начала реформ существенно возросла. Активы же новых малых предприятий были преимущественно в денежной форме, так как в период своего становления (1988–1991 гг.) новые кооперативы обладали только такой возможностью накопления капитала. У них, как правило, не было своих помещений, а оборудование и другие материальные ресурсы они арендовали у государственных предприятий. «Поэтому большинство производственных кооперативов ко второй половине 1992 года либо стали нищими, либо должны были использовать свой денежный капитал для быстрого оборота в сфере обращения – в оптовой и розничной торговле, в биржевых махинациях и т.п.» [Тихонов 1994, с. 8]⁵.

Тихонов описывает ситуацию либерализации цен 1992 г. как перехват функций государственного монополизма от высших этажей иерархии низшими, когда право установления цен перешло от центральных органов власти прежде всего к государственным предприятиям, то есть «тем служащим государственного аппарата, которые руководят этими предприятиями». Для государственных предпри-

⁵ До настоящего времени доля индивидуальных предпринимателей, занятых в сфере обрабатывающего производства, крайне низка и устойчиво держится на уровне 4%, в сфере строительства – на уровне 2–3% (рассчитано по: smb.gov.ru/statistics/officialdata/).

ятий, по мнению Тихонова, освобождение цен оказалось выгодным: «Спустившееся на их уровень монопольное право позволило им устанавливать на свою продукцию такие цены, какие они считали нужными. В результате – цепочка роста цен, охватившая все вертикальные нити в экономике» [Тихонов 1994, с. 7, 8].

То есть реформы 1992 г. не затронули костяк пирамид системы власти-собственности, но укрепили позиции тех субъектов вновь складывающегося по сути монополистического рынка, встроенных в экономическую (хозяйственную) вертикаль, которая уже в советский период сложилась как самостоятельная. Эти субъекты способствовали «мощному усилению монополистического характера производства и монополистических позиций руководителей государственной промышленности» [Тихонов 1994, с. 8]. Что же касается мелких и средних предпринимателей, то, как утверждал руководитель Лиги кооператоров и предпринимателей России в конце 1993 г., «правительство ни разу, ни в чем и нигде не оказало какой-либо государственной поддержки мелким и средним предпринимателям» [Тихонов 1994, с. 11].

И в последующие годы малый бизнес в России оказывался в наиболее уязвимом положении. Он всегда подвергался и продолжает подвергаться поборам со стороны и административных, и силовых органов и криминальных структур, не говоря уже об официальной налоговой нагрузке. В результате если в странах Евросоюза в секторе малого и среднего бизнеса создается 70% ВВП, в США – более 40%, то, по данным уполномоченного при Президенте РФ по защите прав предпринимателей Б.Ю. Титова, в России на его долю приходится всего 17% ВВП [Бизнесомбудсмен сосчитал 2013]. Причем этот сектор экономики продолжает сжиматься: так, если в 2008 г. индивидуальных предпринимателей в России насчитывалось 2742,0 тыс. чел., то в 2012 г. таковых оставалось уже 2599,3 тыс.⁶. Кроме того, на 1 июля 2013 г. Росстатом было зафиксировано 234500 малых предприятий, что на 1,6% меньше, чем на тот же период 2012 г.⁷. При этом малый и средний бизнес включились в процесс вывода капитала из страны: аналитики фиксируют вывоз капитала малого и среднего бизнеса в страны Европы, в Австралию и другие страны из-за неблагоприятных условий для развития бизнеса в России. Бизнесмены жалуются на плохой доступ к кредитам, на высокие налоги и на законодательство, невыгодное для малых и средних предпринимателей, на рост арендных платежей⁸.

Поэтому неудивительно, что среди 68 стран, участвующих в «Глобальном мониторинге предпринимательства», Россия устойчиво сохраняет самый низкий уровень показателя предпринимательских намерений: лишь 3,8% опрошенных говорят о желании открыть собственное дело. Меньше в России стало, по данным этого мониторинга, и владельцев устоявшегося малого бизнеса, и начинающих предпринимателей. Причем особо сильно разочарование в предпринимательских перспективах у молодежи: доля студентов, собирающихся заняться бизнесом, сократилась с 8,5% в 2010 г. до 1% в 2012 г. [Грозовский 2013, с. 68–69].

Важно, что предприятия малого и среднего бизнеса по отношению к рассматриваемой конструкции власти-собственности, как правило, находятся в позиции между основаниями пирамид всех трех вертикалей (за исключением случаев, ког-

⁶ См. smb.gov.ru/statistics/officialdata/.

⁷ См. www.eg-online.ru/articl/226028/.

⁸ См. www.franchisinginfo.ru/statya/289/prognozy-malyy-biznes-2014.

да они в силу производственных или личных связей оказываются встроенными в экономическую вертикаль). В других же случаях их существование оказывается в прямой зависимости от того, насколько удачно они наладили отношения с нижними этажами пирамидок административной либо силовой вертикалей или с обеими вертикалями. Такие отношения чреватые серьезными неформальными расходами, далеко не всегда компенсируемые столь же неформальными практиками увода бизнеса «в тень», использования разного рода «серых» схем, уклонением от уплаты налогов и т.п.

Здесь речь может идти не только о разного вида коррупционных схемах – от простых поборов до принятия в бизнес «партнеров» из указанных пирамидок. Не менее важно, что подобная ситуация зависимости предприятий малого и среднего бизнеса от представителей нижних этажей вертикалей накладывает свой негативный отпечаток на выстраиваемые в стране отношения «социального партнерства». В значительном числе случаев они оказываются добровольно-принудительными и «благотворительность» воспринимается не столько как удовлетворение личных моральных потребностей руководства, сколько как «конструктивный для всей организации процесс» [Потенциал и пути развития 2010, с. 329]. А Р.И. Капелюшников отмечает, что вынужденное спонсорство местных и региональных проектов оказывается в числе факторов риска передела собственности [Капелюшников 2012, с. 152]. Неудивительно, что, как установили Т.И. Заславская и М.А. Шабанова, у тех бизнесменов, которые попадали в ситуацию вынужденной спонсорской и благотворительной деятельности, ниже уровень доверия к властным структурам разного уровня и вида: правительству, местным властям, полиции, суду [Заславская, Шабанова 2012].

Выстроенная в стране управленческая конструкция блокирует усилия центральной власти по стимулированию малого и среднего бизнеса. Предпринимаемые ею шаги по смягчению налоговой нагрузки на этот тип бизнеса (часто, правда, сводимые на нет другими фискальными новациями) чутко отслеживаются на нижних этажах пирамидок административной и силовой вертикалей, ориентированных на сбор административной ренты. Эту тенденцию зафиксировала, например, Э.Л. Панеях, которая рассмотрела складывающиеся отношения российского бизнеса «со всеми его проблемами и недостатками, с его дурной репутацией и сложными отношениями с законом» и «реального государства, донельзя бюрократизированного, набитого под завязку взяточниками и тугодумами, не слишком склонного принимать в расчет проблемы населения, да еще и откровенно враждебного предпринимательству» [Панеях 2008, с. 18].

Ее социологическое исследование демонстрирует следующую картину: «Начали бороться с уходом от налогов, решив исправить несовершенства налогового законодательства и энфорсmenta, понизили налоги и дали чиновникам больше власти применять закон – получили больше чиновничьего произвола... Стали бороться с коррупцией – она взлетела до небес. Мало того, произошла ее институционализация и концентрация: вместо низового клерка, получающего конвертики в карманы, взятки – по сути, а официально вполне легальные платежи – собирает юридическая фирма при властном органе, которая одна только и может решить ваши проблемы. Совокупное бремя взяток, поборов, налогов и правил при этом по-прежнему так же невыносимо, как раньше было невыносимо номинальное (формально прописанное) налоговое бремя. В результате предприниматели снова уходят от налогов, экономя деньги на взятки, “добровольно-принудительные

пожертвования» и выполнение дурацких и неудобных правил». Все это свидетельствует о том, что здесь «мы видим перед собой не “недостатки” системы, а ее сущность» [Панеях 2008, с. 206–207].

Ярким примером господства выстроенных вертикалей над малым и средним бизнесом является и работа официального механизма его поддержки. Провозглашенная в качестве одного из приоритетов экономической политики программа поддержки малого бизнеса в инновационной, научно-технической сфере фактически вылилась не в поддержку самого бизнеса, а в поддержку «инфраструктуры для оказания такой поддержки, на создание в каждом регионе полного набора инструментов, предназначенных для развития малого бизнеса». В результате поддержка оказывается не самому малому бизнесу, а «собственно поддерживающим структурам, а выявленные финансовые нарушения при расходовании средств не препятствуют и на следующий год предоставлять финансирование нарушителям» [Грозовский 2013, с. 71–73]. То есть значительная доля бюджетных денег, выделенная на стимулирование деловой активности в сфере малого предпринимательства, фактически оседает внутри административных пирамидок разного уровня.

Подобное и другие исследования позволяют М. Левину и Г. Сатарову сделать вывод, что вертикаль власти фактически представляет собой неформальный институт, обеспечивающий поддержание и расширение административной ренты. В его рамках «сверху вниз» санкционируется доступ ко всем видам ренты, а «снизу вверх» идут потоки отчислений от премий финальных рент. Такая практика, называемая авторами рентоориентированным поведением, подрывает стимулы к инновационной деятельности, так как в ее рамках возникают существенные издержки, связанные с преодолением административных барьеров, затрудняются возможности получения кредитов, а долгосрочные инвестиции становятся крайне рискованными и теряют привлекательность [Левин, Сатаров 2014].

Думается, однако, конструкция, описываемая Левиным и Сатаровым, явно не полна и в большей степени ориентирована на анализ событий сквозь призму коррупционной проблематики. Вряд ли общая устойчивость пирамидальных вертикалей может быть поддержана исключительно спуском «сверху вниз» права собирать ренту и обязанностью передавать ее часть «снизу вверх». Такого рода связи относятся к сфере неформальных отношений внутри властных пирамид в целом и составляющих их пирамидок в частности. При этом общая устойчивость пирамидальной конструкции не может быть сколь-нибудь прочной, если не станет подкрепляться отношениями формальными, опирающимися как на законодательно закрепленные нормы, так и на социокультурно сформировавшиеся принципы.

Причем в область законодательно закрепленных установок входит и такая важная сфера отношений Центра и регионов, как предоставление регионам бюджетных субвенций. В наших условиях, когда доходы бюджета формируются в значительной части за счет эксплуатации природных ресурсов, получения природной ренты на основе добычи нефти и газа, это движение денежных средств можно трактовать и как движение ренты «сверху вниз». Естественно, и в этих процессах есть доля неформальной составляющей, связанной с механизмами получения субвенций, их распределения и использования. Но главное тут все же состоит в функционировании формального перераспределительного механизма с целью поддержания общей социальной стабильности. По сути, начиная с 1990-х гг. российская региональная политика была ориентирована прежде всего на задачу поддержки депрессивных регионов (см., например, [Экономика переходного периода

2008, с. 1253]). Такая политика *de facto* направлена на сохранение конструкции власти-собственности, поддержку настроения патернализма в регионах-реципиентах, но отнюдь не способствует стремлению к развитию, к внедрению инноваций, к формированию собственных источников финансирования региональных нужд. Неудивительно, как замечает Н.В. Зубаревич, что в период кризиса 2008–2009 гг. в наиболее выигрышном положении оказались как раз регионы-реципиенты. Они продолжали получать запланированные для них бюджетные трансферты, а существенную потерю доходов ощутили как раз наиболее развитые территории [Зубаревич 2010].

В то же время выстроенная в стране конструкция власти-собственности поддерживается и социокультурными принципами. Один из таких принципов, традиционно присущих российским пирамидальным конструкциям, был определен А.С. Ахиезером как «монополия на дефицит», которую он трактует как социокультурную категорию, уходящую «корнями в синкретическое слияние власти и хозяйства». Монополия на дефицит, подчеркивает Ахиезер, не имеет ничего общего с капиталистической монополией, «но является формой проявления докапиталистических монополий, попавших в условия роста умеренного утилитаризма» [Ахиезер 1998, с. 146, 147]. Эта монополия, возникшая как рента на собственность, существовавшую в СССР как собственность партии-государства, продемонстрировала свою нефункциональность, что выразилось в постепенной деформации классической советской конструкции, ослаблении возможности поддерживать монополию на дефицит на высших уровнях иерархии и в возрастающей способности смещения «вниз» возможности использования ренты на собственность и, соответственно, монополии на дефицит, даже без формального изменения прав собственности [Ахиезер 1998, с. 147].

Этот период разложения советской системы часто трактуется как период «бюрократического торга», когда представители более низких ступеней властной вертикали *de facto* получили возможность решать свои проблемы, опираясь на имеющиеся в их распоряжении дефицитные ресурсы, тогда – прежде всего материальные, сырьевые и т.п. Такое смещение монополии на дефицит стало толчком к деформации, а затем и крушению советской формы институционализации системы власти-собственности. При этом легализация смещения монополии на дефицит к пирамидкам более низких уровней «иллюзорно рассматривалась как рыночные отношения» [Ахиезер 2006, с. 80]. Однако в дальнейшем, как известно, страна вступила на путь переинституционализации этой системы, соответственно, и основное право монополии на дефицит должно было вновь сместиться к высшим этажам иерархии, оставляя, впрочем, отдельные элементы этой монополии в распоряжении более низких этажей. В то же время по сравнению с советским периодом изменился ее характер: теперь дефицитом стала ««крыша» любого дела, т.е. защита в обществе и возможность получения ресурсов, дефицитных налоговых и других льгот, дешевых кредитов в банке, возможность обмениваться услугами» [Ахиезер 1998, с. 150].

Главный дефицитный ресурс в стране после начала рыночных реформ и либерализации цен представляли собой деньги, когда в ситуации сохранения системы власти-собственности они «превращаются не столько в творческий производительный капитал, сколько в еще более мощное средство укрепления системы монополии на дефицит» [Ахиезер 1998, с. 145–146]. В этой ситуации деньги не могли трансформироваться в капитал, т.е. «стать средством воспроизводства,

накопления, переброски, организации ресурсов для творческого созидания» [Ахиезер 1998, с. 146]. Их основной функцией было сохранение монополии на дефицит как основы поддержания всей конструкции системы власти-собственности. Естественным выражением этой объективно присущей системе власти-собственности закономерности являлось стремление высших элементов иерархии закрепить за собой право распоряжения максимально возможным объемом денежных средств. Отсюда – перераспределение прав использования налогов по мере укрепления системы власти-собственности в новой институциональной форме. Прежде всего это выразилось в системе межбюджетных отношений: за последнее десятилетие произошла существенная централизация бюджетных доходов, и если в 1990-х – начале 2000-х гг. соотношение налоговых поступлений между Центром и регионами было примерно равным: половина – Центру, половина – регионам, – то к 2006 г. на территориях стало оставаться немногим более 30% собранных налогов. В результате доля собственных средств в региональных бюджетах снизилась до 13% [Федюкин 2008].

Такое перераспределение, бесспорно, послужило опорой пирамидальной конструкции системы власти-собственности. В то же время подобное изъятие ресурсов у территорий с последующим делением бюджетных трансфертов лишило их инициативы, стремления к развитию собственных источников средств для решения своих проблем, укрепило тенденции патернализма, пассивности, перекладывания ответственности на плечи того, кто на деле распределяет ресурсы, – то есть на Центр. А это, в частности, чревато, по мнению Ахиезера, превращением денег из средства развития в «средство дезорганизации», способное даже толкнуть общество на путь отрицания значения денег в экономике, более того – «против экономики, на согласие с господством натуральных отношений в сочетании с авторитарной государственностью, на путь ограничения человеческих отношений рамками жестких локальных уравнилельных отношений» [Ахиезер 1998, с. 146].

Таким образом, выстроенная в 2000-х гг. в России вертикаль власти на самом деле представляет собой институциональный вариант системы власти-собственности. Вместо простоты вертикали с ее четкими принципами господства и подчинения мы имеем сложную конструкцию, составленную из пирамид и пирамидок разного уровня, связанных между собой как формальными, так и неформальными отношениями. Причем конструкция эта не ограничивается одной административной пирамидальной системой, а включает в себя как самостоятельные и экономическую, и силовую пирамиды. И хотя все они имеют общую вершину, каждая из них живет своей жизнью, конкурирует с другими пирамидами на разных уровнях. Это несет с собой еще большую усложненность всей конструкции, чреватую неразберихой на всех уровнях выстроенной иерархии.

Однако главная проблема заключается в том, что замысловатость выстроенной управленческой конструкции не соответствует многогранности современного общества и стоящим перед ним задачам развития и в экономическом, и в социальном, и в культурном аспектах. Неоднозначность системы власти-собственности ориентирована на укрепление и поддержание *status quo* в рентоориентированной экономике, а это блокирует интенции развития не только социокультурного, но и экономического, и, особенно, научно-технического.

В то же время выстроенная в стране система власти-собственности представляет собой пример «большого», «рыхлого», но не сильного государства. При этом несоответствие специфики управленческой конструкции системы власти-соб-

ственности сложности современного общества, а еще более – сложности стоящих перед ним задач толкает власти при появлении новых проблем на создание специальных структур, предназначенных для их решения. У нас есть огромное количество примеров того, как эти новые подразделения оказываются бессильными перед запросами общества, сама природа которого находится в другой плоскости и логике решений, нежели те, что задаются властной вертикалью. Результатом такой политики является постоянное разбухание административного аппарата, уже существенно превысившего по количеству административный аппарат всего Советского Союза.

И хотя, как было подчеркнуто ранее, успех проведения реформ во многом зависит от силы государства, способного реализовывать жизненно необходимые, но, особенно на первом этапе, непопулярные и болезненные меры, возникает вопрос: могут ли отдельные регионы, учитывая общую слабость государства, осуществлять на своей территории преобразования, ведущие к постепенному размыванию «порядков ограниченного доступа» и переходу к «порядкам открытого доступа», то есть к созданию условий для мутации системы власти-собственности как в рамках региона, так и в стране в целом?

Литература

- Ахиезер А.С. (1998) Россия: критика исторического опыта (Социокультурная динамика России). Т. II. Теория и методология. Словарь. Новосибирск: «Сибирский хронограф».
- Ахиезер А.С. (2006) Специфика российской истории // Ахиезер А.С. Труды. М.: Новый хронограф. С. 23–154.
- Бессонова О.Э. (1988) Раздаточная экономика в ретроспективе // *Общественные науки и современность*. № 4. С. 85–100.
- Бизнес-омбудсмен сосчитал долю малого бизнеса в ВВП России (2013) // *Polit.ru* // polit.ru/news/2013/10/30/titov/
- Гринберг Р.С., Рубинштейн А.Я. (2000) Экономическая социодинамика. М.: ИСЭПресс.
- Гринберг Р.С., Рубинштейн А.Я. (2008) Основания смешанной экономики. М.: ИЭ РАН.
- Грозовский Б. (2013) Разрушение малого бизнеса // *Pro et contra*. № 6. С. 61–75.
- Дежина И. (2014) Технологические платформы как инструмент укрепления связей в инновационной системе России // *Стратегия*. № 4 (14). С. 6–9.
- Евстигнеева Л.П., Евстигнеев Р.Н. (2010) Экономика как синергетическая система. М.: URSS.
- Заславская Т.И., Шабанова М.А. (2012) Успешные экономические акторы как потенциальная модернизационная общность. Статья 1. Социальные особенности и взаимодействия в проблемной институциональной среде // *Общественные науки и современность*. № 4. С. 5–23.
- Зубаревич Н.В. (2010) Города как центры модернизации экономики и человеческого капитала // *Общественные науки и современность*. № 5. С. 5–19.
- Капелюшников Р.И. (2012) Незащищенность прав собственности и ее экономические последствия: российский опыт // *Журнал Новой экономической ассоциации*. № 1. С. 61–75.
- Левин М., Сатаров Г. (2014) Рентоориентированная Россия // *Вопросы экономики*. № 1. С. 61–76.
- Норт Д. (2010) Понимание процесса экономических изменений. М.: ВШЭ.
- Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б. (2011) Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М.: Издательство Института Гайдара.

- Норт Д., Уоллис Д., Уэбб С., Вайнгаст Б. (2012) В тени насилия: уроки для обществ с ограниченным доступом к политической и экономической деятельности. М.: ВШЭ.
- Нуреев Р.М. (2009) Россия: особенности институционального развития. М.: Норма.
- Нуреев Р.М., Рунов А.Б. (2002) Назад к частной собственности или вперед к частной собственности? // *Общественные науки и современность*. № 5. С. 5–23.
- Общественное мнение-2011. Ежегодник (2011) М.: Левада-Центр.
- Общественное мнение-2012. Ежегодник (2012) М.: Левада-Центр.
- Общественное мнение- 2013. Ежегодник (2014) М.: Левада-Центр.
- Ореховский П. (2012) Право на оспаривание, патрон-клиентские сети и коррупция // *Вопросы экономики*. № 11. С. 101–117.
- Панеях Э. (2008) Правила игры для российского предпринимателя. М.: КоЛибри.
- Панеях Э. (2013) Зарегулированное государство // *Pro et contra*. № 1–2. С. 79–92.
- Плискевич Н.М. (1998) Утопизм и прагматизм российского реформаторства (к 10-летию Закона о государственном предприятии) // *Общественные науки и современность*. № 1. С. 13–26.
- Плискевич Н.М. (1999) Российская приватизация: революция или эволюционный переход // *Общественные науки и современность*. № 4. С. 29–43.
- Плискевич Н.М. (2006) «Власть-собственность» в современной России: происхождение и перспективы мутации // *Мир России*. № 3. С. 62–113.
- Полтерович В.М. (2007) Элементы теории реформ. М.: Экономика.
- Полтерович В.М. (2011) Региональные институты модернизации. (Научный доклад). М.: ИЭ РАН.
- Потенциал и пути развития филантропии в России (2010). Под ред. И.В. Мерсияновой, Л.И. Якобсона. М.: ВШЭ.
- Права собственности, приватизация и национализация в России (2009). Под ред. В.Л. Тамбовцева. М.: Новое литературное обозрение.
- Ролан Ж. (2007) Экономика переходного периода. М.: ВШЭ.
- Российская коррупция: уровень, структура, динамика. Опыт социологического анализа (2013). Под ред. Г.А. Сатарова. М.: Фонд «Либеральная миссия».
- Рубинштейн А.Я. (2008) Экономика общественных предпочтений. СПб.: Алетей.
- Сотников А. (2014) Калужское чудо // *Стратегия*. № 4(14). С. 10–13.
- Тихонов В. (1994) Реформа способствует усилению монополизма // *Общественные науки и современность*. № 2. С. 5–14.
- Федюкин И. (2008) Федеративное устройство // *Коммерсантъ-Власть*. № 5 // www.kommersant.ru/doc/851011
- Фридман М. (2005) Капитализм и свобода. М.: Фонд «Либеральная миссия», Новое издательство.
- Четвертый Съезд народных депутатов СССР. Стенографический отчет (1990). Бюллетень № 5. 19 декабря 1990 г. М.: ВС СССР.
- Шкаратан О.И. (2004) Российский порядок: вектор перемен. М.: Вита–Пресс.
- Шкаратан О.И. и коллектив (2009) Социально–экономическое неравенство и его воспроизводство в современной России. М.: ОЛМА Медиа Групп.
- Экономика переходного периода. Очерки экономической политики. Экономический рост 2000–2007 (2008). М.: «Дело» АНХ.
- Яковлев А.А. (2012) Коммунистические убеждения и их влияние на развитие экономики и общества: применение новых подходов Д. Норта к анализу исторического опыта СССР // *Мир России*. № 4. С. 154–167.
- Ledeneva A.V. (2013) *Can Russia Modernise?: Sistema, Power Networks and Informal Governance*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Nort D.C., Wallis J.J., Weingast B.R. (2009) *Violence and Social Orders: A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History*. New York, Cambridge: Cambridge University Press.

От редакции:

*В развитие этой темы в следующем номере нашего журнала
будет опубликована статья Н.М. Плискевич
«Трансформация системы “власти-собственности” в России:
региональный аспект.
Могут ли регионы начать свой путь к модернизации».*

The Transformation of 'Power-Ownership' Relations in Russia: a Regional Perspective on the Reforms and the Quality of the State

N. PLISKEVICH*

***Nataliya Pliskevich** – Senior Researcher, Institute of Economics, Russian Academy of Sciences. Address: 26 Maronovskii Lane, Moscow, 119049, Russian Federation. E-mail: ons@naukaran.ru

Citation: Pliskevich N. (2015) The Transformation of 'Power-Ownership' Relations in Russia: a Regional Perspective on the Reforms and the Quality of the State. *Mir Rossii*, vol. 24, no 1, pp. 8–34 (in Russian)

Abstract

In Russia, with its extreme socioeconomic diversity, the process of modernization is likely to vary both in space and time. Its pace also largely depends on the interaction between the centre and the regions: either the reforms are implemented from the above (and then supported or rejected by the regions), or, on the contrary, the regions become the main drivers of reforms, which can then be supported or inhibited by the centre. The nature of this interaction depends primarily on the quality of the state structure which has emerged in modern Russia, which can be characterized by the modification of the 'power-ownership' institutional setting. This setting implies that ownership and property are not entirely independent, and are a function of the power possessed by the actors.

In this article the author investigates the role of the state in driving the process of modernization in Russia, and concludes that a strong state is required in order to implement the necessary reforms. In the 2000s the ruling elites attempted to recover from the state weakness characteristic of the 1990s by creating a so-called 'power vertical'. However, this stretching of power relations into even deeper strata of Russia's administrative hierarchy largely neglected the nested nature of the 'power-ownership' system: the power hierarchy in Russia is a system of various smaller power hierarchies which, on the one hand, resemble and are subordinate to the general one, but on the other, possess a certain informal autonomy with regard to how they organize their relations with the local environment. In such a peculiar context the 'verticalisation' of power has

brought about highly contradictory results. The whole administrative system has become less manageable and is characterized by uncontrollable growth. This paradoxically leads to even further weakening of the state capacity to maintain modernisation.

Keywords: modernization, power-property, the North-Wallis-Weingast, state, weak state power vertical, vertical administrative, economic, vertical, vertical force

References

- Akhiezer A.S. (1998) *Rossia: kritika istoricheskogo opyta (Sosiokulturnaya dinamika Rossii). T. II. Teoriaya i metodologiya. Slovar'* [Russia: Critique of the Historical Experience (Sociocultural Dynamics of Russia). T.II. Theory and Methodology. Dictionary], Novosibirsk: Sibirskii Khronograf.
- Akhiezer A.S. (2006) Spetsifika rossiiskoi istorii [Specificity of Russian History]. *Akhiezer A.S. Trudy* [Proceedings], Moscow: Novyi khronograf, pp. 23–154.
- Bessonova O.E. (1988) Razdatochnaya ekonomika v retrosprktive [Transfer Economy in Retrospective]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no 4, pp. 85–100.
- Biznes-ombudsmen soschital dolyu malogo biznesa v VVP Rossii* (2013) [Business Ombudsman Counted the Share of Small Business in GDP in Russia]. *Polit.ru*. Available at: <http://www.polit.ru/news/2013/10/30/titov/>, accessed 30 October 2013.
- Chetverty s'ezd narodnykh deputatov SSSR. Stenograficheskii otchet. Byuluten no 5, 19 dekabrya 1990 g.* [Fourth Congress of People's Deputies of the USSR. Verbatim Report. Bulletin of the number 5. Dec. 19, 1990], Moscow: Verkhovnyi Sovet SSSR .
- Dezhina I. (2014) Technologicheskie platformy kak instrument ukrepleniya svyazey v innovatsionnoi sisteme Rossii [Technology Platforms as a Tool to Strengthen the Links in the Innovation System in Russia]. *Strategiya*, no 4 (14), pp. 6–9.
- Ekonomika perekhodnogo perioda. Ocherki ekonomicheskoi politiki. Ekonomicheskii rost 2000–2007* (2008) [Economics of Transition. Essays on Economic Policy. Economic Growth 2000–2007], Moscow: «Delo» ANH.
- Evstigneeva L.P., Evstigneev R.N. (2010) *Ekonomika kak sinergeticheskaya sistema* [Economics as a Synergetic System], Moscow: URSS.
- Fedyukin I. (2008) Federativnoe ustroystvo [The Federal Structure]. *Kommersant-Vlast'*, no 5. Available at: <http://www.kommersant.ru/doc/851011>, accessed 11 February 2008.
- Friedman M. (2005) *Kapitalizm i svoboda* [Capitalism and Freedom], Moscow: Fond «Liberal'naya missiya», Novoe izdatel'stvo.
- Greenberg R.S., Rubinstein A.Y. (2008) *Osnovaniya smeshannoi ekonomiki* [Foundations of Mixed Economy], Moscow: IE RAS.
- Greenberg R.S., Rubinstein A.Y. (2000) *Ekonomicheskaya sotsiodinamika* [Economic Sociodynamics], Moscow: ISEPress.
- Grozovskii B. (2013) Rasruschenie malogo biznesa [The Destruction of Small Business]. *Pro et Contra*, no 6, pp. 61–75.
- Kapelyushnikov R.I. (2012) Nezashchishchennost' prav sobstvennosti i ee ekonomicheskie posledstviya: rossiiskii opyt [The Insecurity of Property Rights and its Economic Consequences: Russian Experience]. *Jurnal Novei ekonomicheskoi assotsiatsii*, no 1, pp. 61–75.
- Ledeneva A.V. (2013) *Can Russia Modernise?: Sistema, Power Networks and Informal Governance*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Levin M., Satarov G. (2014) Rentoorientirovannaya Rossiya [Rent-Seeking Russia]. *Voprosy ekonomiki*, no 1, pp. 61–76.
- North D. (2010) *Ponimanie protsessov ekonomicheskikh izmenenii* [Understanding the Process of Economic Change], Moscow: HSE.

- Nort D.C., Wallis J.J., Weingast B.R. (2009) *Violence and Social Orders: A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History*, New York, Cambridge: Cambridge University Press.
- Nort D.C., Wallis J.J., Weingast B.R. (2011) *Nasilie i sotsialnye poryadki. Kontseptualnye ramki dlya interpretatsii pismennoi istorii chelovechestva* [Violence and Social Orders: A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History], Moscow: Izdatelstvo Instituta Gaydara.
- North D., J. Wallis, S. Webb, B. Weingast (2012) *V teni nasiliya: uroki dlya obshchestv s ogranichennym dostupom k politicheskoi i ekonomicheskoi deyatel'nosti* [In the Shadow of Violence: Lessons for Companies with Limited Access to Political and Economic Activities], Moscow: HSE.
- Nureev R.M. (2009) *Rossiya: osobennosti institucionalnogo razvitiya* [Russia: Peculiarities of Institutional Development], Moscow: Norma.
- Nureev R.M., Rounov A.B. (2002) Nazad k chastnoi sobstvennosti ili vpered k chastnoi sobstvennosti? [Back to Private Property or Forward to Private Property?]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no 5, pp. 5–23.
- Obshchestvennoe mnenie-2011. Ezhegodnik* (2011) [Public Opinion-2011. Yearbook], Moscow: Levada-Center.
- Obshchestvennoe mnenie-2012. Ezhegodnik* (2012) [Public Opinion-2012. Yearbook], Moscow: Levada-Center.
- Obshchestvennoe mnenie-2013. Ezhegodnik* (2014) [Public Opinion-2013. Yearbook], Moscow: Levada-Center.
- Orehovskiy P. (2012) Pravo na osparivanie, patron-klientskie seti i korruptsiya [The Right to Challenge, Patron-Client Networks and Corruption]. *Voprosy ekonomiki*, no 11, pp. 101–117.
- Paneakh E. (2008) *Pravila igry dlya rossiiskogo predprinimatelya* [Rules for the Russian Businessman], Moscow: Colibri.
- Paneakh E. (2013) Zaregulirovannoe gosudarstvo [Overregulated State]. *Pro et contra*, no 1–2, pp. 79–92.
- Pliskevich N.M. (1998) Utopizm i pragmatizm rossiiskogo reformatorstva (k 10l-etiui Zakona o gosudarstvennom predpriyatii [Utopianism and Pragmatism of Russian Reforms (for the 10th Anniversary of the Law on State Enterprises)] *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no 1, pp. 13–26.
- Pliskevich N.M. (1999) Rossiiskaya privatizatsiya: revoliutsiya ili evoliutsionnyi perekhod [Russian Privatization: Revolution or Evolutionary Transition]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no 4, pp. 29–43.
- Pliskevich N.M. (2006) “Vlast'-sobstvennost'” v sovremennoi Rossii: proiskhozhdenie i perspektiva mutatsii [“Power-Ownership” in Modern Russia: the Origins and the Possibility of Mutation]. *Mir Rossii*, no 3, pp. 62–113.
- Polterovich V. (2011) *Regionalnye instituty modernizatsii (Nauchny doklad)* [Regional Institutions of Modernization (Research Report)], Moscow: IE RAS.
- Polterovich V. (2007) *Elementy teorii reform* [Elements of the Theory of Reform], Moscow: Ekonomika.
- Potentsial i puti razvitiya filantropii v Rossii* (2010) [The Potential and the Development of Philanthropy in Russia] (eds. Mersyanova I.V., Yakobson L.I.), Moscow: HSE.
- Prava sobstvennosti, privatizatsiya i nacionalizatsiya v Rossii* (2009) [Property Rights, Privatization and Nationalization in Russia] (ed. Tambovtsev V.L.), Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Roland J. (2007) *Ekonomika perekhodnogo perioda* [The Economics of Transition], Moscow: HSE.
- Rossiyskaya korruptsiya: uroven, struktura, dinamika. Opyt sotsiologicheskogo analiza* (2013) [Russian Corruption: Level, Structure, Dynamics. An Exercise of Sociological Analysis] (ed. Satarov G.A.), Moscow: Fond “Liberal'naya missiya”.
- Rubinstein A.Y. (2008) *Ekonomika obshchestvennykh preferentsii* [Economics of Public Preferences], St. Petersburg: Aletheya.

- Shkaratan O.I. (2004) *Rossiiskii poryadok: vector peremen* [The Russian Order: Vector of Changes], Moscow: Vita-Press.
- Shkaratan O.I. and coll. (2009) *Sotsialno-ekonomicheskoe neravenstvo i ego vosпроизводство v sovremennoi Rossii* [Socioeconomic Inequality and Its Reproduction in Modern Russia], Moscow: Olma Media Group.
- Sotnikov (2014) Kalujskoe chudo [Kaluga Marvel]. *Strategiya*, no 4 (14), pp. 10–13.
- Tikhonov V. (1994) Reforma sposobstvuet usileniu monopolizma [The Reform Enhances the Monopoly]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no 2, pp. 5–14.
- Yakovlev A.A. (2012) Kommunisticheskie ubezhdeniya i ikh vliyanie na razvitie ekonomiki i obshchestva [Communist Beliefs and Their Influence on Social and Economic Development: the Application of a New Approach by Douglass North to Historical Experience of the Soviet Union]. *Mir Rossii*, no 4, pp. 154–167.
- Zaslavskaya T.I., Shabanova M.A. (2012) Uspeshnye ekonomicheskie aktory kak potentsialnaya modernizatsionnaya obshchnost'. Stat'ya 1. Sotsialnye osobennosti i vzaimodeistva v problemnoi instituionalnoi srede [Successful Economic Actors as Potential Overhauled Community. Article 1. Social Features and Interaction in the Problem of Institutional Environment]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no 4, pp. 5–23.
- Zubarevich N.V. (2010) Goroda kak tzentry modernizatsii ekonomiki i chelovecheskogo kapitala [Cities as Centers of Economic Modernization and Human Capital]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no 5, pp. 5–19.